

Николай Михайлович Карамзин

**О случаях и
характерах в российской
истории, которые могут...**

Николай Михайлович Карамзин

О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств

«...Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к цареградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: «Кто более и славнее меня в свете?»...»

**Николай Михайлович
Карамзин
О случаях и характерах в
русской истории,
которые могут быть
предметом художеств**

Письмо к господину NN

Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего патриотизма и есть лучший способ оживить для нас ее великие характеры и случаи, особенно пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы.^{1} Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское в то счастливое время, когда монарх и самое провидение зовут нас к истинному народному величию. Должно приучить россиян к уважению собственного; должно показать, что оно может быть предметом вдохновений артиста и сильных действий искусства на сердце. Не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма. Если исторический характер изображен разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее: мы любопытствуем узнать источник, из которого художник взял свою идею, и с большим вниманием входим в описание дел человека, помня, какое живое впечатление произвел в нас его образ. Я не верю

той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем.

Вы говорите о трех исторических картинах, уже написанных в нашей Академии художеств: содержание их достойно похвалы. *Взятие Казани, избрание Михаила Феодоровича и Полтавское сражение* представляют нам важные эпохи российской истории. Разрушение Казанского царства запечатлело независимость России, славно освобожденной от ига татарского дедом царя Иоанна Васильевича, истинно великим князем Иоанном. С воцарением Романовых отечество наше, говоря простыми русскими словами, *увидело свет*: мятежи прекратились, и Россия начала возрастать в величии и славе с какою-то удивительно стройною постепенностью. А Полтавское сражение утвердило или, лучше сказать, основало первенство России на севере. Я надеюсь, что художники, почтив таким образом сии три важные эпохи, удовлетворили и всем особенным требованиям искусства в изображении действия.

Зная совершенно историю нашу, имея вкус просвещенный и любовь к художествам, которая уже предполагает основательные сведения в их правилах и красотах, вы еще хотите советоваться с другими в рассуждении дальнейшего выбора предметов для живописцев и ваятелей. Мне остается быть благодарным за честь вашей доверенности – и без дальнейших оговорок пустой учтивости отдаю вам на суд некоторые мысли свои, не вмешиваясь в права художников, а говоря единственно как любитель отечественной истории, имеющий только самую легкую идею о красотах искусства.

Я желал бы видеть на картине самое начало российской истории, то есть призвание варяжских князей в славянскую землю. Художник мог бы изобразить трех славных братьев с товарищами их на ловле, которая была любимым упражнением северных народов. Послы славян, чуди и кривичей окружают Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляет их говорить Нестор. Рюрик, опершись на лук свой, задумался. Синеус и Трувор советуются между собою. Некоторые из их товари-

щей занимаются ловлею; другие, узнав о прибытии славян, спешат к ним. Послы говорят друг с другом, удивляясь величественной красоте варяжских князей. Взоры их всего более обращаются на глубокомысленного Рюрика с желанием, чтобы он согласился повелевать землю славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. – Художник отличит лица славянские от варяжских: первые должны быть нынешние русские, а за образец последних надобно взять шведские, норвежские или датские. Варяги были норманцы: сим общим именем назывались, как известно, жители упомянутых трех земель.

Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы, захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова. – *Вадим Храбрый* принадлежит также к баснословию нашей истории.

Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к царградским воротам, в глазах греческих вель-

мож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: «Кто более и славнее меня в свете?»

Сей же князь может быть предметом картины другого рода – *философической*, если угодно. Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком уважаемые, особливо если они представляют *живые черты времени*, или заключают в себе нравоучение, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой.^{2} Волхвы предсказали ему, что он умрет от любимого коня своего. Геройство не спасало тогда людей от суеверия: Олег, поверив волхвам, удалил от себя любимого коня; вспомнил об нем через несколько лет – узнал, что он умер, – захотел видеть его кости – и, толкнув ногою череп, сказал: «Это ли для меня опасно?» Но змея скрывалась в черепе, ужалила Олега в ногу, и герой, победитель Греческой империи, умер от гадины! Впечатление сей картины должно быть нравоучительное: *помни тленность человеческой жизни!* Я изобразил бы Олега в то мгновение, как

он с видом презрения отталкивает череп; змея выставляет голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выражение ее неприятны в лице геройском. За ним стоят воины с греческими трофеями, в знак одержанных им побед. В некотором отдалении можно представить одного из волхвов, который смотрит на Олега с видом значительным.

Ольга есть героиня наших древних летописей, которые рассказывают чудеса об ее хитрости. Художнику должно воспользоваться сим знаменитым историческим характером: ему остается выбрать любое из десяти возможных *представлений*. Захочет ли он изобразить Ольгу в ту минуту, как она, пылая местию в сердце за убиение супруга и скрывая гнев свой под видом ласки, принимает у себя в тереме послов древлянских; или когда на могиле Игоревой отправляет тризну (что подает художнику случай представить древние обряды язычества); или когда она среди торжественного великолепия греческой религии крестится в Цареграде. Но я знаю, что художники не любят старых женских лиц: а Ольга в это время была уже немолода. Итак,

они могут изобразить ее стовор. Например: Олег подводит ее к молодому Игорю, который с восхищением радостного сердца смотрит на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную в простоте древних славянских нравов. За нею стоит мать ее, о которой нет хотя ни слова в летописях, но которая присутствием и благородным видом своим должна дать нам хорошую идею о нравственном образовании Ольги: ибо во всяком веке и состоянии одна нежная родительница может наилучшим образом воспитать дочь. Живописец изобразит приготовления к стовору по своей фантазии. Один почтенный россиянин думает, что славяне не имели жрецов: не смею противоречить ему и знаю, что Нестор об них не упоминает, говоря только о волхвах; однако ж артист мог бы представить на сей картине священников служителей Лада, чтобы обогатить ее содержание.

Никто из древних князей российских не действует так сильно на мое воображение, как Святослав, не только храбрый витязь, не только ужас греков (которые стращали детей своих именем *Сфендосолава*: так они называ-

ли его), но и прямодушный рыцарь. Еще детскою рукою бросив копьё в древлян, убийц его родителей, он не только всю жизнь свою провождал в поле, делил нужду и труды с верными товарищами, спал на сырой земле, под открытым небом; но, любя славу, любил и строгую воинскую честность. Нестор, скупой на слова, не забыл сей великой черты характера его: *Святослав никогда не хотел нападать нечаянно, но всегда наперед объявлял войну* (что, в тогдашние варварские времена, было беспримерно). Сей герой любезен нам и потому, что в жилах его текла уже кровь славянская и что он первый из русских князей назывался именем языка нашего. Рюрик, Олег, Игорь были иностранцы: Святослав родился от славянки. Художник, знакомый с мысленным образцом геройства и с духом времени, представит нам, как сей древний Суворов России, привыкнув надеяться на судьбу, видит себя окруженного со всех сторон греками. Верная дружина его, изумленная их бесчисленным множеством, в первый раз уныла; победа казалась ей наконец невозможною. Святослав говорит речь, достойную

спартанца или славянина: речь, которую все наши историки хотели украсить, но которая прекрасна только в Несторе и, без сомнения, не есть выдумка: ибо сей добрый старец не умел бы так хорошо выдумать. Князь, сказав: «Ляжем zde костьми; мертвые бо срама не имут», обнажает меч свой: вот минута для живописца! Святославовы витязи (которых он изобразит, сколько хочет) в быстром движении геройского вдохновения также извлекают мечи, машут копьями, гремят щитами и проч. Вдали можно представить греческий необозримый стан. – Думаю, что искусный артист найдет способ оживить сию картину.

Владимира хотел бы я видеть в то мгновение, как епископ Корсунский, возложив на него после крещения руку, возвращает ему зрение. Сею картиною ознаменовалась бы великая эпоха в нашей истории: введение христианской религии, и художник мог бы обнаружить весь свой талант в выражении лиц Владимира, царевны Анны и в счастливом расположении других фигур: греческих вельмож, духовных и Владимировых полководцев. В рассуждении царевны я заметил бы од-

но: лицо ее должно сиять только небесною, благочестивою радостью; она выходит за Владимира не по земной любви, а желая единственно обратить его в христианство.

Кто без жалостного чувства может вообразить прекрасную и несчастную Рогнеду, названную от великих горестей ее трогательным именем *Гориславы*? Владимир разорил отечество ее, умертвил родителей, братьев и женился на сей отчаянной пленнице[1]. Он мог бы еще верною любовью примирить с собою нежное сердце женщины; но, удовлетворив страсти, князь хочет удалить супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляет в памяти своей все злодеяния жестокого и неблагодарного Владимира, и Горислава, подкрепляемая учением языческой веры, которая ставила месть в число добродетелей, решится умертвить его. Он в последний раз приходит к ней и засыпает в ее тереме: Рогнеда берет нож – медлит – и князь, просыпаясь, вырывает смертоносное оружие из дрожащих рук ее. Тут Горислава, в исступлении отчаяния, исчисляет все свои оскорбления и его жестокости... Я, кажется, вижу перед собою изумлен-

ного и наконец тронутого Владимира; вижу несчастную, вдохновенную сердцем Гориславу, в беспорядке ночной одежды, с растрепанными волосами... Комната освещена лампадою; видны только самые простые украшения и резный образ Перуна, стоящий в углу. Владимир приподнялся с ложа и держит в руке вырванный им нож; он слушает Рогнеду с таким вниманием, которое доказывает, что ее слова уже глубоко проникли к нему в душу. – Мне кажется, что сей предмет трогателен и живописен.

Бой славного в наших летописях отрока Переяслава с печенежским силачом достоин искусной кисти. Художник сам выберет момент:[2] изобразит ли их в усилиях борьбы, в напряжении всех мускулов, или в то мгновение, как русский ударил головою печенега и как сей падает? Эта победа была спасительна для отечества: Владимир в честь отрока назвал его именем новый город Переяславль. Кажется, что надобно представить только двух свидетелей сего поединка: князей печенежского и русского, которые берут в нем живое участие. Художник мог бы показать вели-

кое искусство в выразительной игре их лица и движений. – В сем же роде можно написать еще две картины: борение Мстислава, князя Тмутараканского, с Касожским князем Редедю, великаном и богатырем (которого он, после многих тщетных усилий, наконец ударил об землю), и поединок – правда, баснословный – Владимира Мономаха с генуэзским (кафинским или феодосийским) воеводою, которого он махом копьа *из седла высадил* и, связав, привел вооруженного к своему войску[3].

Ярослав, сын Владимиров, хотел просветить Россию, учреждал школы, давал законы, велел перевести многие книги на славянский язык. Вот мысль для картины: Ярослав одною рукою разворачивает свиток законов, а в другой держит меч, готовый наказать преступника. Вельможи новгородские с видом смирения приемлют их от князя и меча его. За Ярославом стоят монахи с переведенными книгами, в знак того, что он в них почерпнул некоторые идеи для своего законодательства. – Хорошо также изобразить Ярослава, молящегося в поле перед сражением с лютым Святополком, на восходе солнца и на самом том ме-

сте, где пролилась кровь святого Бориса, за которую Ярослав хотел быть мстителем.

Некоторые из критиков российской истории не хотят верить, чтобы Генрих I, король французский, был женат на Ярославовой дочери Анне, потому что летописи наши молчат о сем браке; что отдаленная Франция не имела тогда никакой связи с Россиею и что различие вер долженствовало быть препятствием для такого союза. На сию критику возражаем: 1) что наши летописи весьма неполны; 2) что все французские согласно называют супругу Генриха *русскою принцессою Анною*, дочерью Ярослава (имена, которые без сего случая едва ли могли бы им быть известны); 3) что еще гораздо прежде (в девятом веке, по летописям Вертинским) были уже в Германии послы русские; что войны и трактаты наших князей с Константинополем, с Польшею и Венгриєю распространяли их славу в Европе; 4) что политика могла заставить и Генриха и Ярослава войти в сей союз и что привязанность одного к восточной, а другого к западной церкви долженствовала уступить государственной пользе: ибо люди едва ли не

всегда предпочитали земные выгоды небесным. Одним словом, замужство Анны Ярославны имеет всю историческую достоверность – и я хотел бы оживить на полотне сию любезную россиянку; хотел бы видеть, как она со слезами принимает благословение Ярослава, отдающего ее послам французским. Это занимательно для воображения и трогательно для сердца. Оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной девической жизни, чтобы ехать на край света с людьми чужими, которые говорили непонятным языком и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому богу!.. Здесь чувствительность должна быть вдохновением артиста... Князь хочет казаться твердым; но горячность родительская в сию минуту превозмогает политику и честолюбие: слезы готовы излиться из глаз его... Несчастливая мать в обмороке.

После Владимира Мономаха видим уже менее великих людей на княжеских тронах России. Внутренние раздоры занимают воинскую и политическую деятельность владельцев. Но художество найдет еще богатые для

себя предметы в должно ознаменовать, например, важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олег основал ее, не достойна никакого внимания. Он шел из Новагорода к Киеву прямо через Смоленск и не мог без всякой нужды углубиться в левую сторону, где встретили бы его болота и пустыни, которые не представляли ему ни добычи, ни славы побед. Вообще надобно заметить, что сии древние завоеватели, пролагая себе пути к известной цели через места малоизвестные, старались всегда следовать за течением больших рек, для того чтобы не иметь нужды в воде, и что большие реки, вбирая в себя влажность окрестных мест, не дают образоваться непроходимым для войска болотам. Таким образом Днепр привел Олега от Смоленска к Киеву. В наше время историкам уже не позволено быть романистами и выдумывать древнее происхождение для городов, чтобы возвысить их славу. Москва основана в половине второго-надесять века князем Юрием Долгоруким, храбрым, хитрым, властолюбивым, иногда жестоким, но до старости любителем красоты, подобно многим древним и новым геро-

ям. Любовь, которая разрушила Трои, построила нашу столицу – и я напомним вам сей анекдот русской истории или Татищева. Прекрасная жена дворянина Кучки, суздальского тысяцкого, пленила Юрия. Грубые тогдашние вельможи смеялись над мужем, который, пользуясь отсутствием князя, увез жену из Суздаля и заключился с нею в деревне своей, там, где Неглинная впадает в Москву-реку. Юрий, узнав о том, оставил армию и спешил освободить красавицу из заточения. Местоположение Кучкина села, украшенное любовью в глазах страстного князя, отменно полюбилось ему: он жил там несколько времени, поселился и начал строить город. – Мне хотелось бы представить начало Москвы *ландшафтом* — луг, реку, приятное зрелище строения: деревья падают, лес редет, открывая виды окрестностей – небольшое селение дворянина Кучки, с маленькою церковью и с кладбищем, – князя Юрия, который, говоря с князем Святославом, движением руки показывает, что тут будет великий город, – молодые вельможи занимаются ловлею зверей. Художник, наблюдая строгую нравственную при-

стойность, должен забыть прелестную хозяйку: но вдали, среди крестов кладбища, может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях. Мы угадали бы, кто он, – вспомнили бы трагический конец любовного романа, – и тень меланхолии не испортила бы действия картины.

Но я нечувствительно написал довольно страниц; на сей раз могу кончить, с живым удовольствием воображая себе целую картинную галерею отечественной истории и действие ее на сердце любителей искусства. Русский, показывая чужестранцу достойные образы наших древних героев, говорил бы ему о делах их, и чужестранец захотел бы читать наши летописи – хотя в Левеке.

Мы приблизились в исторических воспоминаниях своих к бедственным временам России; и если живописец положит кисть, то ваятель возьмет резец свой, чтобы сохранить память русского геройства в несчастиях, которые более всего открывают силу в характере людей и народов. Тени предков наших, хотевших лучше погибнуть, нежели принять цепи от монгольских варваров, ожидают монумент-

тов нашей благодарности на месте, обогрени-
ном их кровию. Может ли искусство и мрамор
найти для себя лучшее употребление? Пусть в
разных местах России свидетельствуют они о
величии древних сынов ее! Не в одних сто-
лицах заключен патриотизм; не одни столицы
должны быть сферою благословенных дей-
ствий художества. Во всех обширных странах
российских надобно питать любовь к отечеству
и *чувство народное*. Пусть в залах петербургской
Академии художеств видим свою историю в
картинах; но в Владимире и в Киеве хочу
видеть памятники героической жертвы, которою
их жители прославили себя в XIII веке. В
Нижнем Новгороде глаза мои ищут статуи
Минина, который, положив одну руку на
сердце, указывает другою на Московскую
дорогу.^{3} Мысль, что в русском отдаленном
от столицы городе дети граждан будут
собираться вокруг монумента славы, читать
надписи и говорить о делах предков, радует
мое сердце. Мне кажется, что я вижу, как
народная гордость и славолюбие возрастают
в России с новыми поколениями!.. А те
холодные люди, которые не верят сильному влия-

нию *изящного* на образование душ и смеются (как они говорят) над *романическим патриотизмом*, достойны ли ответа? Не от них отечество ожидает великого и славного; не они рождены сделать нам имя русское еще любезнее и дороже. – Повторим истину несомнительную: в девятом-надесять веке один тот народ может быть великим и почтенным, который благородными искусствами, литературою и науками способствует успехам человечества в его славном течении к цели нравственного и душевного совершенства!

Сноски

1

Это было до его крещения. Святая религия еще не действовала в нем своею благодатию.

[^^^]

2

Слово техническое, которого смысл едва ли можно выразить мгновением.

[^^^]

3

Нестор не говорит о том. Даже и генуэзцев еще не было тогда в Тавриде.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего патриотизма... – Речь идет о графе Строганове, президенте Академии художеств. По его предложению было сделано дополнение к уставу Академии (утверждено 22 октября 1802 года), в котором рекомендовалось предлагать воспитанникам темы из отечественной истории. «Сообразуясь с истинною и благороднейшею целию искусств, которая состоит в том, чтоб сделать добродетель ощутительною, предать бессмертию славу великих людей, заслуживших благодарность отечества, и воспламенить сердца и разумы к последованию по стезям соотчичей наших, соизволяем, чтобы по собственному избранию и назначению нашему того из великих мужей российских, который заслуживает честь сию предпочтительно, или такого знаменитого происшествия, которое имело влияние на благо госу-

дарства, Академия художеств задавала ежегодно программы для живописи и скульптуры». Карамзин поспешил предложить первые «предметы» – события и характеры, которыми могла бы воспользоваться Академия.

[^^^]

2

...басня о смерти Олеговой. – В последующем на этот сюжет Пушкин написал историческую балладу «Песнь о вещем Олеге» (1822). Возможно, что рассказ Карамзина послужил источником пушкинской исторической баллады.

[^^^]

В Нижнем Новгороде глаза мои ищут статуи Минина... – Призыв Карамзина был услышан: в 1803–1804 годах общественность потребовала создания памятника Минину и Пожарскому; был объявлен сбор средств; крупный скульптор И. П. Мартос в 1804 году приступил к работе над памятником Минину и Пожарскому. Большая модель памятника была показана публике в 1815 году, и в 1818 состоялось открытие памятника в Москве, на Красной площади. В Нижнем Новгороде памятник Минину был поставлен в 1815 году.

[^^^]

[^^^]